

М. Плотников, С. Клычков

**Янгал-Маа. Мадур Ваза -
победитель**

Вогульский (мансийский) эпос

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М. Плотников
М11 Янгал-Маа. Мадур Ваза - победитель: Вогульский (мансийский) эпос / М. Плотников, С. Клычков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 620 с.

ISBN 978-5-458-31150-2

С иллюстрациями А. И. Порет. Издание содержит вогульскую (мансийскую) эпическую поэму "Янгал-Маа" М. А. Плотникова со статей автора о вогульском эпосе, а также вольная обработка поэмы Сергея Клычкова "Мадур Ваза Победитель". Перевод "Янгал-Маа" выполнен нерифмованным хореем, в той же ритмике, в какой в начале XX века писались и другие реконструкции эпоса северных племен ("Песнь о Гайавате", "Калевала").

ISBN 978-5-458-31150-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1930 году в издательство поступила рукопись Мих. Плотникова, заключающая в себе стихотворную обработку вогульских сказаний, с приложением статьи, представляющей довольно элементарный анализ этих сказаний, главным образом с этнографической точки зрения, и краткий рассказ автора об условиях, в которых он собирал осколки эпических сказаний вогульского народа. Не трудно было убедиться, что в рукописи Плотникова мы имеем дело с работой большой исторической и художественной значимости. В ней впервые выступило на сцену творчество одного из тех «малых» народов, которые, как казалось еще недавно, раз навсегда сметены со страниц истории завоевательной политикой и колонизаторской практикой русского царизма. Сама работа Плотникова над песнями и сказаниями вогулов невольно приводила на память работу, сделанную автором «Калевалы» над эпосом финнов и автором «Песни о Гайавате» над песнями и сказаниями индейцев Северной Америки: как здесь, так и там мы имеем дело не с прямым воспроизведением народного творчества, а с его вольной литературной обработкой, с тем, что немцы называют *freie Nachdichtung*. И если наш пересказчик бесконечно далек от идеализации европейского завоевания, при-

ведшей Лонгфелло к прямой фальсификации индейских преданий, то, к сожалению, он не сумел преодолеть националистических установок панфиннизма, идеализации общефинского единства, внесенных в исследование языков и литератур угро-финских народов буржуазными учеными Финляндии и Венгрии. Недаром же в своей вводной статье он неоднократно ссылается на Кая Доннера — крупнейшего идеолога панфиннизма.

Отсюда — характерные моменты неправильной трактовки истории колонизированных русским царизмом народностей, идеализация доколониального феодализма, отсюда — неоправданный перенос мотивов из эпоса других финских народов в реконструируемый вогульский эпос. Эти обстоятельства, лишая, конечно, поэму Плотникова значения прямого, аутентичного документа истории вогульского народа, все же не отнимают у нее хотя бы того же культурно-исторического значения, которое имели в своей области работы авторов «Калевалы» и «Гайаваты».

Дефекты поступившей в издательство рукописи (метрические недосмотры в поэме, эскизность и невыдержанность предпосланной поэме статьи) заставили издательство попытаться вступить в личную связь с автором. Попытки эти долгое время оставались безрезультатными.

В этих условиях «Academia» решила печатать рукопись Плотникова в том виде, в котором она была ей доставлена, внося в текст поэмы те чисто формальные, подсказанные законами метрики, незначительные исправления, которые были предложены нам С. В. Шервинским.

Ошибочные установки автора, сказавшиеся в его переработке вогульского эпоса, отрази-

лись и в его вводной статье: именно поэтому статья эта приобретает значение документа, крайне важного для критики текста поэмы. Воспроизведя ее с некоторыми сокращениями (первоначально статья была напечатана в журнале «Сибирские огни»), «Academia» не сочла возможным вносить в текст поправки такого рода, которые затушевали бы допускаемые автором ошибки в национальном вопросе. В частности неизменной осталась и старая терминология автора («самоеды», «вогулы», «остяки» и т. д.), к сожалению, и поныне более понятная широким читательским массам и благодаря расплывчатости некоторых терминов (термин «самоеды» применяется, например, и к «ненцам» и к тавитцам) не поддающаяся замене.

Лишь в самом конце 1932 года М. Плотников дал о себе знать издательству. В это время было уже приступлено к верстке настоящей книги. Поэтому мы не могли предоставить возможность М. Плотникову внести в книгу сколько-нибудь значительные изменения.

В то время когда издательство разыскивало Плотникова, с его рукописью, по просьбе издательства, ознакомился поэт С. А. Клычков. Результатом явилась новая поэма — «Мадур Ваза Победитель».

С. А. Клычков воспользовался сюжетом и общей композицией поэмы Плотникова и оставил в неприкосновенности ряд стихов и строф Плотникова. Однако его поэма, конечно, самостоятельное произведение. Художественные достоинства «Мадура Вазы» — неоспоримы. Издательство не видело оснований выбирать между поэмами Плотникова и Клыčkкова и решило дать

рядом обе поэмы. В «Янгал-Маа» Плотникова читатель найдет первичную обработку вогульского эпоса, в основе которой лежит прямое, непосредственное знакомство автора с песнями и сказаниями, до сих пор бытующими в чумах современных вогулов; в «Мадуре Вазе» Клычкова — вторичную обработку тех же сказаний, прошедших уже через записи Плотникова, но развитых и своеобразно интерпретированных современным поэтом. Ценность открытого Плотниковым эпоса вогулов настолько велика, что — можно не сомневаться — он и после Плотникова и Клычкова не раз еще привлечет внимание поэтов и художников.

ВОГУЛЬСКИЙ ЭПОС

Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы. Это родственное венграм племя появилось в русской истории в XV веке и считалось сильным и воинственным; оно вело постоянные войны с зырянами и другими соседями. От зырян же оно получило название «догул» («вогул», что значит «вражеский»). При приближении русских поселений к Уралу вогулы оказали сильное сопротивление новым пришельцам и даже потом, в конце XVI века, оцепленные со всех сторон сетью крепостей-острогов, продолжали бороться с русскими.

«И облетела нашу землю трехгранная стрела со знаком к восстанию, — поется в одной старой вогульской песне, — и все должны идти на битву: и олын (богатырь) и магдацийах (простой человек)».

Боевая трехгранная стрела с tamg'ой (тамгой) нередко облетала вогульские паулы (paul — селение), но проходили года, все глубже и глубже проникала в сознание вогульского народа невозможность изгнать русских, и все больше и больше воинственный народ, пришедший сюда с теплого юга, превращался в нищих кочевников, попадавших в кабалу к прежним своим врагам — зырянам и русским.

Главная масса вогулов, несмотря на то что они еще в XVIII веке были полуоседлым народом и занимались земледелием, выучившись этому от татар, преврати-

лась после завоевания русскими в полубродячих звероловов, рыбаков и оленеводов. Помимо главных промыслов: охоты, звероловства, отчасти оленеводства, вогулы занимались шишкованием, т. е. сбором кедровых орехов, брусники и пр.

При столкновении с русскими вогульский народ пережил коренную ломку как в области своего хозяйственно-бытового уклада, так и в области мировоззрения. Ранее бодрый, воинственный, знавший рудное, кузнечное дело, хлебопашество, ведший торговлю и войны, вогульский народ, угнетаемый русскими завоевателями, опустился, утратил прежние знания и, теснимый со всех сторон, ушел в труднопроходимые дебри. Князья, их городки, войны с соседями, подвиги богатырей остались только в сказках, былинах и героических песнях эпоса, возникшего до прихода русских. Но и самый эпос стал другим. На смену князя-богатыря, в кольчуге (jунтыптауль—juntlûptaul), разящего тяжелым богатырским мечом враждебных остяков или самоедов, приходит новый богатырь, и с его приходом тип «героя», тип «отер'а», изменяется.

«Дорусский» (старый) эпос вогулов обычно говорит о войнах с остяками и самоедами. Рассказывается о том, что князь идет походом на соседнего князя и требует в жены его дочь. Видимо, поэтому и войны в древних былинах носили название «с в а т о в со стриженными головами». Реже причиной войн в эпических сказаниях бывает отплата за вероломство или стремление завоевать другое княжество и свергнуть там сидящего князя.

После прихода русских герои-богатыри, «ходившие в семь стран света и получавшие в каждой по жене, народу не нужны». Завоевание русскими сосредоточило мысли и желания вогульского народа на борьбе за свое национальное освобождение. Но проходят годы,

власть завоевателей усиливается, надежд на освобождение становится все меньше и меньше, и из глубин народа вырастает новый образ — богатыря-простолюдина, иногда и человека знатного рода, но не владетельного князя, образ героя, который должен, совершив подвиги, избавить вогулов от русского владычества. Этот богатырь совершает подвиги не потому, что он хочет власти, не потому, что он потом сделается вожух (vosch-uh — глава княжества) и, по примеру древних князьков, наполнит свой амбар сукном, шелком и другими ценностями. Героическими поступками нового богатыря руководит любовь к своему родному народу, а в награду он становится богом, что лишь косвенно дает право на земную власть.

Герои такого типа знакомы нам по эпосу и других угнетенных сибирских народностей. «Не слышно ли чего-нибудь о возвращении Итьте?» — поется в самоедской поэме об Итьте. Самоедский мадур (герой) Итьте и является в самоедском эпосе богатырем — национальным освободителем.

Поэма рассказывает о том, как после смерти людоеда Пюнегуссе, с которым Итьте вел долгую и упорную борьбу, он делается обладателем мудрости семи богов и обладателем семи (т. е. всех) стран. Он правит народом; в его царстве — мир, тишина; леса наполнены дичью и зверями, реки — рыбой. Но идеал благополучного и счастливого царствования нарушает Христос, который к тому времени приходит со своими детьми, русскими. Итьте, видя, что Христос и русские приобретают все большую силу, власть и влияние, удаляется от своего народа и говорит приятелю Христосу: «Сегодня ваш день — завтра будет мой».

Самоедский народ, так же как и вогульский, покоренный русскими, превратил богатыря (madur'a) Итьте в своего избавителя — мессию, «божественного принца

Итьте, спящего принца, отдыхающего принца», который должен притти и изгнать из Сибири чужестранцев. Таков идеал богатыря в самоедском эпосе, созданном после прихода русских. Вогулы, как и самоеды, воспели нового богатыря в новой тернинг-эри (terning-eri — былина). Этот богатырь — избавитель и освободитель вогульского народа: Ваза, Вача, Тагар-отер (Tagar-oter), Виши-отер (Vischi-oter), Ианы-кеныт-анчых¹ (Janû-Kenûtanêùh), Карт-сали-уй² (Kart-sali-ujá) и др.

Виши-отер и Ианы-кеныт-анчых — богатыри старого эпоса, в народном представлении они живут на небе, но могут спускаться на землю или превращаться вновь в людей. По представлению вогулов, душа человека после смерти может перейти в тело ребенка, а тело, т. е. тень, отправляется в царство мертвых, подземное царство теней, где она живет столько лет, сколько прожил на земле человек, и потом совершенно исчезает. Душа может и не переселиться в тело ребенка; она может витать на земле или же улететь на небо, в царство Торыма (Нумы). Обычно на небо уходят души шаманов, князей, богатырей, воинов, охотников и прочих людей, отличившихся еще при земной жизни чем-либо перед богами, а главное — перед Торымом. Последние два богатыря (прежние нахрачинские богатыри, по-остяцки Ai-wit — малый князь, и Ene-urt — большой князь) и в период моих наблюдений на Конде считались святыми.

Карт-сали-уй, или по-остяцки — kart-jerva, vach-jerva (железный волк), — нарицательное имя князя-богатыря, предпринимавшего главным образом грабительские походы на соседней. Впоследствии, при русских, имя kart-jerva было присвоено князьям-союзникам русских, изменникам своего народа.

¹ Старик с большой шапкой. ² Железный волк.

Ваза, Вача, Тагар-отер — имена для старого, дорусского эпоса совершенно новые. Все эти три имени богатырей являются различными обозначениями одного лица, одного богатыря, будущего освободителя вогульского народа, и часто, повествуя об одном и том же былинном эпизоде, один рассказчик употребляет имя Вазы, другой — имя Вачи или Тагар-отер'а. Употребление имен старых богатырей в новом вогульском эпосе говорит о некотором слиянии старых и новых героев или о позаимствовании нового эпоса у старого. Такое слияние вполне возможно, так как, по вогульским верованиям, души богатырей продолжают печься о народе, за что они чтутся наравне с добрыми духами, т. е. им приносятся жертвы и посылаются молитвы. Итьте — богатырь старого самоедского эпоса, былина об Итьте, как замечает Кай-Доннер,¹ является одной из самых древних былин старого самоедского эпоса. Но после русского завоевания она приобрела новые черты и мотивы (борьба с христианством, дух Крестос, помощь Итьте татарам против русских, уход и возвращение Итьте), а богатырь (madug) Итьте, победивший Шенегуссе, получает значение освободителя от власти русских и превращается в мессию самоедского народа.

То же самое произошло и с некоторыми старыми былинами и героическими сказаниями вогулов. В старые эпические произведения вогульской словесности впе­таются эпизоды позднейшего происхождения и вместе с этим зарождается самостоятельный героический эпос, герой которого — новый, еще не пришедший богатырь — национальный освободитель, каковым является Ваза (Вача, Тагар-отер, Карт-невра и пр.). С. Патканов,²

¹ Кай-Доннер, «Самоедский эпос» (выдержка из «Journal de la Société Finno-Ougrienne», пер. с английского В. М. Крутовского). ² «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям». Спб., 1891.

говоря о новом эпосе остяков, замечает, что сказания и рассказы из периода татарского и отчасти русского владычества передаются прозой и притом новым языком, с позаимствованиями из старых былин. Владычество русских сблизило ранее враждовавшие племена, смешанные браки среди представителей различных народностей еще более способствовали этому сближению, и народная словесность — песни, былины, обрядовые песни, шаманские наговоры и т. п. — заимствовались то вогулами от остяков, то остяками от самоедов и наоборот. То же самое происходило и с эпическими произведениями туземной словесности, почему и вогульский эпос (не только новый) по своему характеру и типическим чертам богатырей во многом приближается к остяцкому и даже к самоедскому.

Однако между старым и новым эпосом вогулов существует громадная разница как с идейной стороны, так и со стороны формы. В новом эпосе нет обилия цветистых оборотов речи, фигур, эпитетов и метафорических образов; широко употребляется разговорный язык, нет выдержанности в чередовании ударений и гласных и в ритме стиха. Новые былины не имеют строго законченной формы, связь между отдельными эпизодами бывает нередко крайне слаба, одно и то же героическое сказание нового эпоса, рассказанное в разное время и в различных местностях, становится трудно узнаваемым, а поэтому собрать из отдельных эпизодов былинку в одно целое часто не представляется возможным.

Такова былина о Вазе — герое-освободителе. В таком целом, законченном виде, в каком мы знаем, например, былинку об остяцком богатыре Сонгхуше или другие старые былины вогульского и остяцкого эпоса, сага (былина) о Вазе не существует. Она распадается на все виды эпоса: сагу, поэму, героическую песню, бы-